

животные беспокоились — это было видно с первого взгляда. Даниэль наблюдал за шестью белыми меховыми комками через стекло.

Этого только не хватало! Как только одно из подопытных животных сдохнет — тут же вскрытие, бактериологический анализ и бог знает что еще. И все это в пятницу, когда работа официально должна быть запрещена. Бесчеловечно.

И осенний день был отнюдь не мокрый и не грязный! Через двойное оконное стекло он мог глянуть прямо в лицо осени, озаренной мягким, немножко даже сентиментальным солнцем той осени, которая небрежно выкрасила газоны (садовник явно не перетруился) в насыщенно зеленый цвет и обрызгала их желтыми и красно-коричневыми кляксами первых опавших листьев. Асфальтированные тропки вели к зданию научно-исследовательского института.

Такой октябрь манил в леса, напоенные прохладным белым молоком утреннего тумана, тянул в луга с сине-фиолетовыми безвременниками, к одиночеству. Даниэль вынудил себя улыбнуться, он — дитя пыльно-равнодушной городской зелени, и вдруг такие мечты! Он хорошо знал себя, был в меру разговорчив, общителен и придерживался взгляда, что каждая минута, не проводимая человеком по-своему, утеряна навсегда. И этой минуты жаль, потому что жизнь только одна и наверняка короче, чем могла бы быть.

Иногда он даже с удовольствием входил на свой второй этаж иммунологического отделения; его работа во многом совпадала с темой кандидатской диссертации, которую он решил защитить как можно скорее.

Он сгреб с обшарпанного стола блокнот и ручку и сунул их в коричневый портфель. Бумаги с записями, журналы и масса прочего хлама остались лежать на столе. Стол Марцеллы, стоявший рядом, являл собой зрелище порядка в любое время дня. Только вот Марцелла никак не могла упорядочить собственные мысли и скорее всего не ведала, для чего следует использовать жизнь.

Но потом он снова отложил портфель. Только две-три белые крысы бегали и принохивались, остальные сидели, не двигаясь, и Даниэль видел их прерывисто вздымающиеся бока. Животные явно дышали через силу.

Он понимал, что случилось что-то неожиданное и чрезвычайное, но все еще медлил с решением. В дверях показались набитые сумки, а за ними замызганный плащ Марцеллы Тучековой.

— Привет, Дан,— отдышалась она.— Бананы давали.

**Зденек
ВОЛЬНЫЙ**

РАССКАЗ

ХОДЯЩИЕ КОТОМ

«Никаких потрясений. Все это будет поглощено семейством в составе четырех членов за субботу и воскресенье,— подумал Даниэль.— Четыре желудка — сколько раз они наполнятся и опорожнятся?»

— Ты не поверишь, сколько у нас едят моркови. Иногда мне кажется, что я в крольчатнике. (Ее улыбка должна была изобразить раздумчивое извинение, но Даниэль почувствовал в ней гордость.)

Итак, семейство: Павел Тучек, кандидат наук, начальник отдела геофизического института. Лет примерно тридцать пять. Особая примета: ест морковь. Мамаша Марцелла Тучекова, врач общей медицины, через полгода кончает кандидатскую. Тридцать два исполняется в августе. Особая примета: молодость ушла. Павлик и Петричек, «тученята». Воспитанники детского сада. Особая примета: с жадностью уничтожают морковь.

— А что это с нашими зверюшками, Даничек?

Он был на три года моложе, так что играл социальную роль самого большого «тученка». И научился использовать это.

Сумки, которые она еще держала, рухнули на пол.

— Похоже на коллапс,— ответил он спокойно.

Один из белых комочков вдруг перевернулся на спину. Смешно, что Марцелла уклоняется от этого зрелища. Не глядеть правде в глаза? Ну и ну! Его охватила злость.

— Чем дальше, тем им становится хуже,— заметил он.

— Мы должны кого-нибудь позвать,— встревоженно сказала Марцелла.

— Пожалуй, не стоит.

Но все же он вновь набросил на себя белый халат. Марцелла, присев на корточки, зашивала в сумку пакеты с картофельными вкнудиками.

Он зашел в кабинет заведующего, где вместо второго рабочего стола в углу стоял потрепанный журнальный столик, а рядом — два темно-зеленых креслица. Здесь крысы за стеклом оживленно резвились — картина была совершенно другая! Ну почему именно у него случаются всякие неприятности?

Только потом он сообразил, что заведующий отделом Гонза Власак не один, в кабинете находился профессор Неврли и явно ожидал приветствия.

И Дан избрал покорный и вежливый вид, хотя профессор не был тем, кого ему теперь хотелось бы видеть.

— В чем дело? — рассеянно спросил Гонза, бросив мрачный взгляд на циферблат часов.

— Извините... — начал отступать Даниэль.

— Вы все так же работаете над глобином, доктор Благота? Давненько я у вас не бывал.— Профессор так бодро поднялся с кресла, что оно затрещало. Или это затрещали суставы?

— Да, профессор,— сказал Даниэль и после этого обратился к Гонзе: — Сегодня мы ввели шести кры... я хотел сказать, подопытным животным, новую культуру.

— Номер двенадцать? Ну и как?

— Ну и...

— С ними что-нибудь не то? — Гонза покраснел, как мальчик.

— Подопытные животные? — Профессор Неврли двинулся к двери. — А что с ними?

— Дыхательные... Дыхательные...

— Они живы? — спросил профессор.

— Конечно,— заявил Даниэль без тени сомнения.

Марцелла находилась в нервном ожидании. Профессора Неврли она приветствовала с прыткостью радиорепортера. Потом она, однако, перестала владеть собой и извергла поток возбужденных слов, на что никто не обратил внимания.

— Когда я уходил, они были живы,— защищался Даниэль под пронизательным, тяжелым взглядом профессора.

— У вас дети есть? — повернулся Неврли к Марцелле, бросив взгляд на ее обручальное колечко.

— Петр, который младше, и Павел.

Даниэль усмехнулся про себя.

— Ну, так вы можете идти,— рассудительно изрек профессор.— Для страховки примите-ка эритромицин.

— Вы полагаете...

— В некоторых случаях человек не должен рисковать. Это относится и к вам, Гонза.

— Но я же ни при чем.

— А я вас ни в чем и не обвиняю. Я и коллега Благота посмотрим на это дело поближе.

— Да, профессор.

Даниэль перестал сожалеть о потерянной второй половине пятницы. Остаться с Неврли — это можно было использовать. По крайней мере поднабраться ума-разума.

— Что предлагаете, коллега? — спросил профессор своим характерным, чуть ироничным тоном, когда они остались одни.

Даниэль ощущал себя неуютно, вроде как на экзамене.

— Я предлагаю тут же вскрыть одно из подопытных животных, затем провести бактериологическое исследование. Конечно, при соблюдении максимальных...

— Так, ну ладно. Но сначала включите электропечь и поставьте регулятор на семьсот градусов. Такой температуры ни один микроорганизм не выдержит. Даже этот самый ваш...

У них не было оснований чувствовать себя застигнутыми врасплох — оборудование учитывало и такой случай. Даниэль нажал большую черную кнопку и включил вытяжку. Вентиляторы погнали воздух, который считался зараженным, на биофильтры, надежно убивающие микроорганизмы.

Одиннадцать предшествующих аналогичных опытов завершилось совершенно безрезультатно. Животные не только пережили их в полном здравии, но не была достигнута главная цель — вызвать у них образование иммуноглобина. Год безрезультатной работы. Сегодня дело вдруг сдвинулось с мертвой точки. Но в каком направлении?

С помощью «механической руки», которой он научился владеть быстро и точно, Даниэль поднял ближайшее тельце и осторожно перенес его на подготовленную пластиковую пленку. Чуть-чуть скованными движениями свернул ее и заплывил над горелкой. Потом рукой в перчатке взял пакетик.

На втором этаже был секционный зал — облицованное кафелем помещение. Только на одном из трех секционных столов было защитное устройство, но зато более современное и совершенное, чем в лаборатории. В прозрачное пластмассовое покрытие входили четыре широких проема с черными защитными перчатками. Устройство было простое и надежное.

Когда подошел Неврли в белом халате, у Даниэля все уже было готово. Руки профессора по локти погрузились в рукавицы. Правая ухватила скальпель, острие которого одним разрезом проникло сквозь шерсть и подкожный слой. Белая, местами слегка пожелтевшая шерсть кое-где окрасилась кровью. Даниэль не отрывал глаз.

Лезвие отстрилило грудную мускулатуру и обнажило легкие. Даниэль научился вскрывать лабораторных крыс чуть ли не вслепую, но сейчас чувствовал себя несколько растерянно, ибо ничего подобного не ожидал. Эти легкие оставались мягкими и упругими!

— Превосходно,— услышал Даниэль.— Возьмите образец для бактериологического исследования.

Первым чувством был страх.

В пищеварительном тракте никаких патологических изменений не нашли. Печень и почки казались незатронутыми.

Профессор вскрыл череп. Мозговая оболочка и мозг под ней явно были в порядке. Даниэль искусно отбирал образцы тканей для патологического и бактериологического исследования. Из легких с помощью специального устройства он вырезал тончайшую пластинку, произвел окраску эозином и вложил в приборные стекла.

— Послушайте-ка, доктор Благота, в секционной вы парень что надо,— похвалил его Неврли. Он напряженно всматривался в окуляр микроскопа, регулируя винтом резкость.

— Да, так и есть,— сказал он с живостью через некоторое время.— Посмотрите-ка сами. Смотрите, смотрите,— вновь повторил он, видя, что Даниэль заколебался.

Конечно же, он оказался прав. Вот они, старые знакомые,— палочки бактерии Эшерихии коли. Только что им делать тут, в ткани легких?

Оставалось единственное объяснение — то самое, чего все наверняка боялись. У них теперь была бактерия — вчера еще безвредная, она теперь внезапно начала убивать.

— Именно так, уважаемый коллега. Сего числа вы вошли в историю науки, но никто вам не позавидует.

— Я работал с доктором Тучековой по назначенной нам теме, и ничего более,— пожал плечами Даниэль.— Извините, но это несчастный случай, за который никто не несет ответственности. И менее всего я.

— Это как же? Вы не чувствуете ответственности за свою работу?
— Это дело тех, кто руководит. Вы взяли меня по конкурсу, сами знаете, что претендентов на это желанное место было человек двадцать. И каждый из них не сделал бы ничего иного, как, извините, выдти из всего этого диссертацию и все, что с ней связано.

— А я, напротив, чувствую свою ответственность.
Даниэль пожал широкими, спортивными плечами. Он стянул резиновые перчатки, которые вызвали у него неприязнь. Взгляд его больших коричнево-зеленых глаз скользнул по фигуре профессора. Больше чем достаточно шума и разговоров. Сам он постарался бы прикрыть это дело как можно скорее.

— Вы знаете, решиться на подобные эксперименты было нелегко, хотя мне и были известны результаты работы моего друга, профессора Раббитца из лаборатории молекулярной биологии в Кембридже, а также еще трех групп в Европе и США. Никто другой этим путем не пошел...

— Не рискнешь — не выиграешь. И во времена Колумба было то же.
— Да, но сегодня мы должны быть умнее на полтысячелетия.
— Но ведь риск здесь оправдан. В случае успеха человек овладел бы самой сущностью творческой силы природы. В конце-то концов никакого несчастья не произошло да и произойти не может.

— Будем надеяться, — сказал профессор Неврли. — Будем надеяться, что этот микроорганизм действительно не может удрать.

— Из этих-то совершенных устройств?
— Коллега, совершенно только летнее небо — на нем трудно что-либо улучшить.

— Но...
— Не новую жизнь мы создали, а новую болезнь, — с подчеркнутой иронией сказал профессор. — У человека теперь есть новый враг.

— Сначала болезнь имела характер воспаления легких, внезапной пневмонии, что кончилось, как показало вскрытие, отеками и легочной недостаточностью. Потрясающе.

— Теперь мы должны прикинуть, что здесь может сделать терапевт. Первоначальную культуру вы сохранили?

— Да. Но, профессор, не лучше ли размножить культуру прямо из легочной ткани?

— Конечно. Но для этого потребовалось бы минимум 24 часа. А ведь мы хотим знать сразу, является ли наша бактерия резистентной, скажем, к антибиотикам.

Возможно ли все это? Впрочем, почему бы и нет — ведь они создали что-то совершенно новое, неизвестную природой мутацию, которая будет размножаться с убийственной скоростью в соответствии с кодом, о котором известно слишком мало.

Через несколько минут Неврли засиял, его длинное, сухое лицо выразило явное удовольствие. «В таком превосходном расположении духа он наверняка не знает собственная жена», — подумал Даниэль.

Пенициллин эту бактериальную культуру глотал и убивал.

— Чудесно. Примем-ка теперь эритромицин, сразу же. Но все равно мы должны будем пойти на обследование.

— Скажите, профессор, ведь это оборудование сконструировано так, что заразиться практически нельзя? Иначе как бы вы решились начать такие опыты?

Профессор бросил на Даниэля сверлящий, презрительный взгляд, действие которого на институтских семинарах было убийственным.

— Я-то ведь, главное, о вас беспокоюсь, — сказал Даниэль.

У Неврли в глазах мелькнуло удивление. Даниэлю пришлось продолжить:

— Я в худшем случае возьмусь за другую тему диссертации, а вы...
Каждый научно-исследовательский институт живет своей тайной, и эта тайна всем хорошо известна. Неврли имел все предпосылки (и желание) стать одним из самых молодых академиков. Только подобных претендентов было по крайней мере десять.

— Что вы, собственно, под этим подразумеваете?
— Мне кажется, что у вас больше врагов, чем вам хотелось бы. Когда об этой неудаче узнают, на пользу это вам не пойдет.

— Формулировка довольно вульгарная.
— Не сердитесь, но разве я не прав?

Профессор вынул из кармана пиджака связку ключей и сказал:

— Лучше забегите-ка в аптеку за эритромицином.
По дороге Даниэль позвонил по телефону.

— Слушаю, — отозвался нежный и звучный голос.
— Елена...

— Это ты, Даниэль? Ведь ты же обещал не звонить. Или не умеешь держать слово?

Даниэль сохранил спокойствие и четко сказал:

— Я только хотел бы взять книги. Они мне срочно нужны.
— В понедельник я тебе их пришлю. А сюда не приходи.

— Но ведь они мне нужны теперь!
— Чуть. А тебе сюда просто нельзя показываться.

— Но почему же?
— Что тебе до этого? Мы ведь расстались...

Как все это просто — расстались, и все тут.

— Это мои вещи, и я хочу их получить!

Еще ему надо было бы позвонить домой и сказать, что придет поздно, но Неврли мог бы заподозрить его в том, что он роется у него в ящиках. Схватив картонные коробочки с лекарством, он взбежал наверх.

Профессор производил уборку. Все оставшееся после вскрытия он с помощью перчаток завернул в термопластичную фольгу, заплавил ее, после чего включил устройство, ополоснувшее все хлораминном. Пакетик с изрезанной крысой Даниэль бросил в печь. Затем он подтянул гамма-излучатель, который надежно уничтожил микробов.

То же произошло и в комнате Даниэля. Повсюду воняло хлораминном.

— Прекрасно, — сказал Неврли и испытующе рассмотрел комнату, как будто обладал способностью визуального обнаружения микробов.

Десятью минутами позже они спустились вниз.

Выйдя, профессор осматривался: хотя еще не было шести, из парка, окружавшего институт, повеяло влажной полумночной тоской. Темноте сопротивлялось только несколько неоновых фонарей.

Через несколько минут Неврли изумленно остановился.

— Молодой человек! Если вы в двадцать пять лет уходите с работы, забывая пальто, что же будет с вами в пятьдесят? Или все это так сильно сбилось вас с толку?

Даниэль нервничая осматривал себя. Белое пятно халата резко отделяло его от мира.

— В субботу и воскресенье отдохните, а в понедельник мы все должны проанализировать. Такое не должно повториться.

Книги она сложила столбиком на резиновый коврик перед дверью. Если до этого Даниэль не знал, найдет ли он в себе смелость нажать кнопку звонка, то этот оскорбительный жест решил все.

Прежде чем она захлопнула дверь, он успел всунуть в щель одну из книг. Переплет скорчился, как от боли.

— Не сходи с ума, — сказала она.

— Здесь кое-чего не хватает, — ответил он.

— Так возьми и пощи, — оскорбительно произнесла она.

Бог знает почему, но он полагал, что за эти несколько дней она не может измениться. Что он найдет ее такой же, какой она была в их последнюю встречу: овальное, немного бледное лицо, нежное и тонкое, окаймленное темными короткими волосами, блестящие темные глаза. Округлые хрупкие плечи, округлая грудь, округлые длинные ноги.

Она была гораздо красивее, чем это запечатлелось в его памяти.

Сняв ботинки, он вошел в комнату. Здесь, к счастью, не изменилось ничего.

Мысли кружились и вынудили его остановиться на полпути. Ему казалось, что стены от него потихоньку отступают и он не будет достаточно стойким, чтобы довести дело до конца.

Он детальнейшим образом, до болезненного ощущения, знал все здешние вещи. Когда он пришел сюда впервые, на него глянули неухоженные, голые стены. Здесь было бы холодно, если бы в ладони он не чувствовал ее руку, гладкую и живую.

Тогда им хватало трех матрасов, которые Елена бог знает где раздобыла и которые они соединили вместе. Она с потрясающим женским вкусом набросила на них пеструю декоративную ткань.

Росла их любовь, и наполнялись комнаты. Матрасы сменил диван, широкий, удобный. На стенах появились декоративные тарелки и репродукции, торжественно был водружен книжный шкаф.

Чужой предмет излучал острые проникающие флюиды. Даниэль наклонился за ним. На его ладони каталась мужская запонка, несомненно, золотая. В резком электрическом свете она сияла, напоминая Даниэлю выбитый золотой зуб.

— Ну, и как же его зовут?

— Дан, прошу тебя...

Он убедился, что Елена зачарованно глядит в его ладонь.

— Ах, это, наверное, кошка, — усмехнулся Даниэль и отдал запонку. Кошка вылезла сама, самовлюбленно потянулась и вполглаза подозрительно посмотрела на Даниэля.

— Говард — кот, а ты его разбудил.

Он выскивал взглядом две зеленые искры. Кот отвернулся, как бы уклоняясь от сильного света, и отполз. «Уж не боится ли он?» — подумал Даниэль, но неприятное чувство не исчезло. Взаимная антипатия с первого взгляда.

— Кот Говард — тебе это не режет ухо? Или он наименован по дарителю?

— Собственно, его зовут Говард Картер. — С зажженной сигаретой она села на самый край дивана, подобрала под себя ноги и выставив голые колени.

— Может быть, это Джимми Картер?

— Говард Картер. Археолог, который открыл гробницу Тутанхамона, единственную неразграбленную гробницу египетского фараона.

— Боже, ну и идеи у тебя! А откуда эти познания в египтологии?

Кот, вероятно, услышавший свое имя, появился тихо, как призрак, весь черный, только на лапках были белые пятна. Не будь их, Даниэль бы засомневался — животное перед ним или...

— А ты не читал об этих кладах? Картер нашел в гробнице такую кучу золота, что у всех аж дух захватило. Глазам было больно. Клад, который не имеет равного в свете.

— Да не сходи с ума. Все попало в какой-нибудь музей... Он, правда, стал знаменитым ученым, это верно...

Говард упруго, элегантно и величественно прыгнул на диван и улегся хозяйке на колени. Даниэль мог поклясться, что он приподнял голову и одарил его насмешливым взглядом, этакой каплей яда: мол, что позволено Юпитеру, то...

А Елена ничего не заметила, ничего не восприняла.

— Золото, чистое золото. Драгоценности, статуи, маски, золотой саркофаг весом в тонну!

— Слушай, Елена, — подыскивал он точные слова, — все это имело гораздо большую ценность, скажем, культурно-историческую. А не как золото. Ведь Картер был прежде всего ученым.

— А если бы ты был на его месте, ты ничего бы не взял?

Даниэль пожал плечами. Она загасила сигарету.

— Я не могла бы так жить, — прервала она молчание.

Даниэль залихорадило. Явно повысилась температура.

— Прикидывать так и сяк, куда потратить каждую десятку, утомленно залезать под перину с мыслью, что ночью меня вытянет из постели детский крик, лишь раз в три года попадать на море — нет, я родилась не для этого.

— А ты знаешь, зачем живешь на свете? — спросил Даниэль. Вдруг он почувствовал, что как бы отделился куда-то, его охватило утомление. Лихорадка плыла как наводнение, подмывала берега, уносила его с собой.

— Совершенно точно. Именно это нас друг от друга и отдаляет. Но ты этого никогда не поймешь, да и не захочешь!

— Я тебя понимаю.

— Ты вообще ничего не понимаешь. Иначе ты не хотел бы иметь детей.

— Только от тебя, — сказал он, не думая, и погладил темные волосы, утонувшие в темноте.

— Вот видишь, именно поэтому мы и должны разойтись.

Даниэль молча, послушно притянул ее к себе. Он начал целовать ее в губы и плечи, желая, чтобы лихорадка сожгла его...

Следователь по своему внешнему виду ничем не отличался от множества людей, которых Даниэль долгие годы встречал на улицах, входил с ними в трамвай и обедал в столовой института. Возможно, это впечатление вызывалось ростом, таким средним ростом в метр семьдесят пять и обычным каштановым цветом волос.

Впечатление это, может быть, подкрепляли отнюдь уже не новый пиджак и помятые темно-серые брюки. Но Даниэль не поддавался впечатлению, он рассмотрел правильное тонкое лицо умного сорокалетнего мужчины и оценил его.

— Садитесь, пожалуйста, вот в это кресло, — пригласил он гостя. — Минутку подождите, я выйду и надену что-нибудь.

— Лежите, доктор, лежите. Вам еще нужно отдыхать.
— Да нет, я уже в полном порядке. Я, знаете, завтра уже выхожу на работу.
— Поздравляю вас! Вы выкарабкались прекрасно. У вас, должно быть, удивительно сильный организм. Я слышал от доктора Врбенского, что, когда вас привезли, вы бредили. У вас было сорок два градуса, и в клинике серьезно опасались за вашу жизнь.
Даниэль выглядел все еще бледным и худым, на лбу прорезалась морщина.
— А не говорил Врбенский, что я там молот?
— Я не мог из него ничего вытянуть, — улыбнулся следователь. — Считают, что составная часть врачебной тайны заключается в подробностях. Но у вас что-то было о любви и ничего такого, чего можно было бы стыдиться.
Даниэль все же поднялся с постели в мягкой полосатой пижаме, глянул на запястье — было девять. Извинившись, ушел переодеваться.
Следователь достал из кармана пиджака начатую пачку сигарет. Он размышлял об однозначно симпатичном впечатлении, которое произвел на него этот молодой ученый с умным лбом и большими глазами. И поймал себя на мысли, что ему приятно, что тот спортивен, с широкими плечами, крепкий и явно сильный.
Когда Даниэль через пару минут вернулся одетым, старший лейтенант Гейский приветствовал его улыбкой.
— С нашей первой встречи, в больнице, я все же немножко продвинулся вперед, но многие детали отсутствуют, и я не могу представить себе ясную картину. Вы можете помочь мне заполнить пробелы?
— Рад буду. Знаете, все эти опыты казались мне весьма любопытными, но при этом и чуть-чуть подозрительными. Эта генная инженерия...
— Помните, что вы говорите не с профессионалом.
— В наших опытах нет ничего, чего бы вы не поняли. Я введу вас в ситуацию, — сказал Даниэль. — Сравнительно недавно несколько групп ученых за границей закончили эксперимент, при котором ген млекопитающего перенесли в хромосому бактерии. Как полагают, мировой приоритет принадлежит группе профессора Раббитца из лаборатории молекулярной биологии в Кембридже.
Даниэль помолчал и более медленно продолжил:
— Вот посмотрите. Материальную основу наследственности составляет клеточное ядро. Там натянуты тонюсенькие ниточки, именуемые хромосомами. Их число различно — человек имеет их, скажем, 46, а лягушка — на 20 меньше. Комплекс хромосом поэтому является носителем генов — непосредственных единиц наследственности. Я понятно объясняю?
— Да, конечно.
— Так вот, целью работ Раббитца было приготовить чистые гены в достаточном количестве, чтобы можно было основательно изучить их структуру и функции. Именно поэтому он и переносил изучаемый ген в хромосому бактерии. Бактерии страшно быстро размножаются, и точно так же быстро, конечно, размножается и гибридная хромосома.
— И это новое поколение бактерий имеет, наверное, уже совсем другие свойства? Не играем ли мы немножко с огнем?
— Конечно, существует определенный потенциальный риск, что клетка начнет продуцировать токсины или канцерогены или же изменит свои антигенные свойства

в направлении более высокой заболеваемости. Поэтому для экспериментов используется исключительно ген, в котором закодирован безвредный продукт, прежде всего глобин, белковый компонент молекулы гемоглобина.

— Над этим вы и работали?
— Вы каждого так перебиваете?.. Так вот, чтобы вы могли иметь представление: в микропипетку диаметром несколько микрон вы набираете бактерии вида Эшерихии коли. Под микроскопом вы нарушаете ее кольцевую хромосому, вкладываете ген, а хромосому приводите в первоначальное состояние. Или же гены можно ввести в бактерию биохимическим путем. И в течение ночи ожидаете, когда бактериальные клетки начнут размножаться.
— Как долго вы занимались этими опытами?
— Меня приняли по конкурсу, когда все это уже было известно, и профессору Неврли, моему научному руководителю, пришла в голову блестящая идея. Ведь та же технология может быть применена в подготовке генов млекопитающих, где было бы закодировано образование иммуноглобина. Вы понимаете — частиц, которые несут иммунитет к разным болезням. Изящная мысль, а?
— И на эту тему вы готовили кандидатскую?
— Готовлю.
Даниэль задумался, рассматривая домашние туфли и свои голые пятки.
— Хотя, возможно, вы правы, после того, что случилось...
— А что, собственно, случилось?
— Почему вы не спросили об этом профессора, ведь он наверняка все знает.
— Он объяснял мне все так же, как и вы. Только более сложно. Тот ген, говорил он, который вы вкладываете в кольцевую хромосому, вы перед этим должны синтезировать.
— Превосходно, из вас получился бы способный генетик.
— Значит, и он ничего точно не знает?
— Когда вы заболели, его замучила совесть. Он приостановил эксперименты. Утверждает, что нетрудно вместе с безвредным геном перенести и вредоносный.
— Это возможно, — заметил Даниэль.
— А что, если эту опасную бактерию вы создали умышленно?
— Но вы же понимаете, что это чушь.
— Предположим. Но с помощью профессора Неврли мы теперь проверяем, куда могла сбежать ваша бактерия. Ведь меры изоляции безупречны?
— Я тоже так полагал.
— Несколько дней спустя очаг инфекции определить трудно... Так мне сказали ваши специалисты.
Даниэль согласно кивнул головой. Несмотря на бледность, придававшую ему вид мученика, он казался все же отдохнувшим, и на лице его время от времени появлялось выражение удовлетворенности.
— Опасные бактерии мы нашли прежде всего на вашем рабочем халате и в вашем шкафчике. Причем до сих пор неясно, где вы могли заразиться.
Даниэль недоуменно пожал плечами.
— И я этого не понимаю. Практически мы постоянно работали вместе с профессором.
— Один факт меня немножко удивил. В правом кармане вашего халата мы нашли

несколько странных шерстинок. Эксперты идентифицировали их совершенно безошибочно: они принадлежали шерсти крысы.

Даниэль чуть напрягся.
— Вы вот о чем! У нас находятся остроумцы, которым незаметно удается поддунуть подопытное животное кому-нибудь в карман. Конечно, главным образом девушкам-лаборанткам, потому что некоторые из них способны сдернуть с себя в мгновение ока халат и даже все прочее. Остроумцы дико радуются.

Он усмехнулся.
— Может быть, это такая же шутка? В конце концов шерстинки могут попасть как угодно — животных держат в руках, берут у них кровь на анализ, да мало ли еще что... То есть шерстинки вы можете найти почти всюду на нашей спецодежде. Кроме того, я бы почувствовал, что у меня крыса в кармане, не говоря уже о том, что не могу представить себе, кто хотел бы избавиться от меня таким утонченным способом.

— Кроме профессора Неврли, никто. Вряд ли кто другой мог приблизиться незамеченным к большим животным.

— Неужели вы в самом деле подозреваете профессора? Я говорю вам, что это несчастный случай.

— Возможно. Однако я должен довести следствие до конца. На суде не должно возникнуть и тени сомнения.

— Как?
— Но ведь один человек погиб, а вам едва удалось выкарабкаться, не говоря уже об эпидемии в больнице, которую сумел предотвратить доктор Врбенский. И то только потому, что признал в вас бывшего соученика и случайно знал, какие опыты вы производите. Таких людей должно бы быть больше на свете...

— Мы с ним говорили...
Гейский вытащил из верхнего кармана записную книжку, полистал ее и осторожно спросил:

— А девушку эту давно знали?
— Елену?

— Гелену Пехову, — подчеркнул следователь.
— Да, — грустно улыбнулся Даниэль. — С тех пор, как она стала петь, взяла себе артистический псевдоним Элен Валнер.

— Двадцать четыре года, постоянное место жительства Прага-два, На Сметанце, двадцать, дипломированная продавщица. Совпадает?

— Да. Хотя, в общем, в торговле она почти не работала. Когда я познакомился с ней, она вообще ничего не делала. Знакомство началось с того, что я купил ей сосисок и пива. Она переменяла несколько профессий, а перед тем, как прикнудить к ансамблю, работала секретаршей в доме культуры. Место ей нашел, конечно, я.

— Нетрудно это было, а? Достаточно привезти ее и показать.
Даниэль улыбнулся далекому, полустертому воспоминанию.

— Ваша девушка была очень красива.
— Она была моей невестой.

В некоторой нерешительности Гейский задумался, а потом сказал:
— Знаете, я хотел бы представить себе полностью всю картину. Поэтому простите мне такой вопрос: ваша барышня встречалась с другими мужчинами?

Он был рад, что реакция Даниэля оказалась спокойной.

— Когда я кормил ее сосисками, она дружила с каким-то завскадом, пожилым женатым мужчиной. Я полагаю, что с этим типом она покончила тут же. А потом, насколько мне известно, ничего у нее не было.

— Она не вызывала вас на ссоры, не хотела разрыва?

— Было и так. Любая красивая девчонка убеждена в своей неотразимости и считает, что она может иметь самого лучшего. Елена иногда вела себя загадочно или скорее играла в загадочность. В действительности же она никогда не думала о том, чтобы оставить меня.

— А соседка Пеховой утверждала, что какой-то очень и очень обеспеченный человек собирался развестись из-за Гелены Пеховой и жениться на ней.

— Вокруг такой девушки всегда крутятся немало мужчин. Если откровенно, то Елена вообще не думала о замужестве. Создать семью она не стремилась, любила общество, восхищение окружающих. И жизнь.

Даниэль встал и подошел к окну. Гейский поднялся тоже. По тротуару, топя ножками и размахивая ручонками, шла группа детского сада. Дети шли как бы в облачке писка и щебета, поднимавшихся вверх, как горячий воздух. Они проникали и сюда. За закрытое окно.

Даниэль смотрел на них пустым и мертвым взглядом, и Гейский поспешил заговорить:

— Простите, что мне пришлось затронуть и такое... Я, пожалуй, пойду. Всего лучшего.

Даниэль проводил его до двери.

— Извинения-то ни к чему. Ведь все равно ни вы, ни кто другой понять не можете...

— Поддаваться собственным несчастьям легче, чем чужим, — твердо сказал Гейский. — А ведь сколько еще в мире страданий!

Даниэль заметил:

— Почему же исключать тех, кто счастливо плывет по жизни? Вы знаете, я всегда говорил себе, что страдание — это наказание за что-то. В чем я виноват?

— Сейчас пока еще слишком рано делать подобные выводы. Мой совет — побудьте полчаса на воздухе.

Даниэль отрицательно pokrutil головой.

В институте были все очень милы, никто и словом не обмолвился о том, что произошло. Лишь профессор Неврли пригласил Даниэля, выразил свое соболезнование и поинтересовался результатом следствия.

— Насколько мне известно, — сказал он извиняющимся тоном, — следственная экспертиза не обнаружила места, где скрылись бактерии. Может быть, это секционный стол, может быть, ваш вытяжной шкаф.

Когда Даниэль в конце дня, наконец, вышел через проходную, в глаза ему бросилось знакомое лицо. Гейский.

Они медленно пошли по улице, и Даниэль с неожиданным интересом заметил, что осень уже успела обнажить все ветки. Охалки опавших листьев валялись на сыром газоне. Только в одном месте, у проходной, кто-то сгреб влажные листья в кучу.

Откуда-то появился большой кот, черный, с белыми пятнами на лапах.

— Тоже сотрудник института? — улыбнулся Гейский и поманил кота к себе. Кот остановился на расстоянии, которое посчитал безопасным.

— Вряд ли... Глупо было пускать его сюда.
— А не кот ли это Пеховой?
— А разве он не заразился?
— Конечно, нет. Видимо, сюда принесли его ваши сотрудники.
— Его следовало бы вышвырнуть отсюда. — В словах Даниэля прозвучала такая странная смесь печали и ненависти, что это заставило следователя задуматься.
«Кот напоминает ему ее», — подумал он, а вслух спросил:
— А как его зовут?
— Моурек. Наверное, из-за этих белых пятен¹.

Кот на это имя не реагировал. Он медленно отправился в путь по краю газона, двигаясь тихо, почти невесомо, как будто был призраком, а не живым существом с пульсирующей кровью.

Гейский и Даниэль непроизвольно прибавили шагу.

— Сказать по правде, — заметил следователь, — одно время я серьезно подозревал вас в невероятно утонченном убийстве. И в защиту этой теории у меня были чрезвычайно солидные аргументы.

В глазах Даниэля засветилось любопытство.

— Подозревали в убийстве? Серьезно?

— Я исходил из того факта, что следствие до сих пор не обнаружило никакой биологической негерметичности. Следовательно, инфекцию вы должны были перенести на себя добровольно. Умышленно.

— Но как? Как вы себе это представляете — заразиться и при этом ничего не заразить вокруг себя!

— Об этом я не подумал. Но вы-то могли осуществить это довольно просто. При ликвидации погибших животных одно из них вы положили не в печку, а в карман рабочего халата. Даже следы остались.

— В карман?

— Да. Профессор практически не отступал от вас ни на шаг. Ни на что другое у вас не было времени. Затем у меня есть его показания, что институт вы покинули вместе. Сразу же перед воротами Неврли обратил ваше внимание на то, что вы не сняли халат. Вы вернулись. Вы не имели возможности избавиться от мертвой крысы, вот для чего и нужен был халат. Потом вы повесили халат в шкаф и спокойно ушли. Инфекцию вы уже несли в себе.

— Если я хорошо вас понимаю, вы утверждаете, что я заразился от погибшего подопытного животного с гарантией, что перенесу смертельную болезнь на Елену. Но за что? За то, что замуж за меня она идти не хотела? Подобная причина для убийства как-то не укладывается в голове...

Оба чуть-чуть посмеялись, но в смехе не было веселья.

— Кроме того, я обнаружил еще один момент. На полу квартиры нашли начатую пачку антибиотика, а всего два порошка могли спасти жизнь Пеховой.

— Вы правы. Это меня огорчает больше всего. Неврли велел взять эритромицин, и я взял. Вы наверняка это уже знаете. А то, что случилось тогда у Елены, я вам рассказывал. Оба мы спокойно заснули. Разбудила меня резкая боль в груди. Прыгнула температура. Я вообще не представлял, в котором это было часу.

— По книге приема больных в клинику вас привезли в два часа десять минут. Даниэль пожал плечами и продолжал:

— Постепенно я с ужасом осознал, что случилось. Я поднялся за лекарством, которое было в кармане пиджака. Наверное, по пути я несколько раз терял сознание. Елена так стонала, что я вызвал «Скорую» и сразу же бросился с лекарством к ней, помню, что споткнулся обо что-то и пачка с порошками вылетела из рук. Я ничего не видел и ощутил, ползая по полу, искал порошки... Воздух жег легкие, как будто я вдыхал кипящее масло. Я потерял ориентацию, мне казалось, что я плыву в замкнутом черном шаре, из которого уже не выбраться. Потом все исчезло.

Первым нарушил молчание Гейский.

— Это именно и есть та причина, которая отвела меня от подозрений. Все специалисты, врачи и микробиологи, с которыми я беседовал, утверждают, что заразить себя при подобных обстоятельствах означает невероятный риск. Человек, специалист, не пойдет на такое.

— Конечно. Только безумец... — сказал Даниэль и после краткого молчания добавил: — Ради чистого любопытства, ответьте — если бы все происходило так, как вы предполагали, все равно на суде у вас не было бы ни одного доказательства, а?

Последние слова показались Гейскому несколько самодовольными, и он медленно отвернулся от Даниэля. В нескольких шагах слева от него черный кот с белыми пятнами на лапах рылся в газоне.

Даниэль, проследивший за взглядом Гейского, вдруг вскрикнул. Но было поздно. На слежавшейся траве появился странный предмет, облепленный мелкими коричневыми комочками осенней глины.

Большая часть тканей истлела, а сохранившийся скелет был обтянут крысиной шкурой, облысевшей и сморщенной.

Даниэль бросился вперед так, что даже поскользнулся. Кот схватил в зубы мерзкие останки и побежал к ограде, она состояла из прутьев, вставленных в бетонное основание и соединенных сверху перекладиной. Ограда отделяла от города тихий мир научно-исследовательского института.

Даниэль продолжал преследование. Гейский на бегу свернул направо, к воротам, чтобы обогнать его. Он увидел, как кот уверенным и изящным движением проскочил в промежуток между прутьями, а Даниэль так же легко вскопчил на перекладину. Одна брычина его зацепилась за острие, треснула, и в тот миг он полетел вниз, почти беззвучно ударившись о тротуарные плиты на той стороне, остался неподвижным. Кот остановился и с опаской положил свою ношу. Потом он вернулся и обнюхал неподвижное тело. В тот момент Гейскому показалось, что кот заурчал с тихим удовлетворением.

Следователь присел у тела на корточки и положил руку на пульс. Его ничуть не удивило, что эта дрожащая тоненькая ниточка жизни не прощупывалась.

У головы Даниэля по тротуару разлилась кровь. Гейский вынул пистолет и прицелился. Кот смотрел на него спокойно, чуть иронично, слегка отклонив голову...

— Что вам сделало это бедное животное, за что вы его убили? — набросилась на него старушка в застиранном платке, приковылявшая бог знает откуда. В ее глазах светилась нескрываемая злоба. — Такой красивый котик. Как бархатный...

— Не дотрагивайтесь до него! — крикнул Гейский. — Он заражен!

¹ Этим именем собственным могут назвать кошку или другое животное черного или темно-серого цвета с белыми пятнами. — Прим. перев.